

Д. И. Михайлов

канд. юрид. наук, доц.

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА

НА ОСПАРИВАНИЕ И ФАКТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

В данной статье анализируются проблемы, которые могут возникнуть в связи с законодательным закреплением правила, ограничивающего право на оспаривание сделок, а также на иск о признании договора незаключенным для принявшей исполнение стороны, в зависимости от степени добросовестности предшествующего поведения всех участников сделки.

Проектом изменений подраздела 2 раздела 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года (далее ГК) предусматривается, в частности, ряд правил, направленных на имплементацию в систему гражданского права Беларуси принципа «эстоппель», сформировавшегося в рамках англо-саксонской правовой системы [1; 2]. Сущность принципа

«эстоппель» (от англ. estop – «лишать права выдвигать возражения») заключается в том, что лицо лишается права заявлять о юридически значимых фактах, а также пользоваться принадлежащим ему правом вопреки своему предшествующему поведению [1; 2]. Данным законопроектом предусмотрена норма (ст. 401-1 ГК), согласно которой принявшая исполнение сторона оспоримого недействительного договора, заключенного при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на его оспаривание и применение последствий недействительности, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным статьями 174, 179 и 180 ГК [3]. При этом условиями применения указанного правоограничения являются:

- полное или частичное неисполнение оспоримого договора стороной, намеревающейся оспорить его в суде;
- отсутствие заведомо недобросовестных действий стороны, осуществляющей исполнение оспоримого договора.

В соответствии с другой нормой указанного законопроекта, основанных на этом принципе, лицо, принявшее исполнение по незаключенному договору при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на иск о признании соответствующего договора незаключенным при условии, если такое требование будет противоречить принципам добросовестности и разумности.

Данное правило нашло отражение в п. 3 ст. 401-2 редакции ГК, которую предполагается сформировать в соответствии с ст. 135 проекта Закона о внесении изменений в кодексы Республики Беларусь [3]. Аналогичное правило ранее было закреплено в п. 3 ст. 432 Части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако данной нормой ГК России ограничение права на оспаривание факта заключения договора поставлено в зависимость от добросовестности его реализации, но не от разумности. Основным целевым назначением правила п. 3 ст. 401-2 ГК является стимулирование сохранения договорных отношений, особенно в случаях неэквивалентного исполнения договоров, существенные условия которых не согласованы, но могут быть подтверждены с той или иной степенью достоверности посредством доказательств, определенных ст. 163 ГК.

Целью данной работы является анализ возможных неблагоприятных последствий законодательного закрепления норм, устраняющих право участника сделки, принявшего исполнение, на защиту его интересов посредством признания недействительности оспоримой сделки, применения последствий ее недействительности, а также устраняющих право на защиту интересов стороны договора посредством заявления требования о признании договора незаключенным.

Законодательное закрепление вышеуказанных норм, основанных на принципе «эстоппель», значительно осложнит защиту интересов ряда категорий субъектов имущественно-стоимостных отношений. К данным субъектам следует отнести, прежде всего, кредиторов экономически несостоятельного должника, чьи интересы будет сложнее защитить посредством оспаривания антикризисным управляющим неблагоприятных сделок должника и участников (акционеров) хозяйственных обществ, защита интересов которых посредством оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц также будет осложнена.

Оспаривание антикризисным управляющим неблагоприятных оспоримых сделок должника будет осложнено рассматриваемым запретом

«эстоппель», главным образом, в связи со значительной сложностью доказывания факта недобросовестности предоставления исполнения контрагентом организации-должника по неблагоприятной сделке, совершенной в преддверии банкротства. Правила ст. 109 и 110 Закона о банкротстве предусматривают в качестве составляющих оснований для оспаривания неблагоприятных сделок должника факт осведомленности контрагента об увеличении неплатежеспособности должника в результате исполнения сделки или о заведомой неэквивалентности обязательств сторон [4, с.76–80]. Доказанный факт осведомленности контрагента может быть интерпретирован как обстоятельство, подтверждающее заведомую недобросовестность предоставления исполнения с его стороны.

Исключением являются оспоримые сделки, совершенные за 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве и направленные на предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими (абз.2 ч.1 ст. 109 Закона о банкротстве). Заключая, например, договор поставки, с условием о предоплате всех партий товаров, принимая при этом соответствующую предоплату и поставляя первую партию товара, поставщик может добросовестно заблуждаться относительно степени платежеспособности покупателя.

Аналогично правилам об оспоримых сделках несостоятельного должника на специфике волеизъявления юридических лиц основаны нормы Закона от 9 декабря 1992 «О хозяйственных обществах» о сделках с заинтересованностью аффилированных лиц и крупных сделках, а также правило ст. 175 ГК об оспоримых сделках с превышением полномочий органа управления юридического лица и представителя.

Законодательное закрепление запрета на оспаривание сделок принявшей исполнение стороной поставит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных неблагоприятными последствиями сделок с заинтересованностью, в зависимость от доказывания факта недобросовестного предоставления исполнения со стороны контрагентов по таким сделкам. В этом случае вероятность доказывания будет зависеть от типа и степени взаимосвязи между контрагентом общества и его аффилированным лицом. Если контрагентом общества по неблагоприятной сделке будет выступать само аффилированное лицо и оно, в силу своих полномочий, будет предположительно осведомлено о неблагоприятности сделки для общества, то доказывание заведомой недобросовестности предоставления исполнения таким контрагентом существенно не осложнит процессуального положения истца. Доказывание факта заведомой недобросовестности принятия исполнения контрагентом общества по сделке с заинтересованностью существенно осложнится в случае, если в качестве такового выступит юридическое лицо, значимым участником будет являться организация-аффилированное лицо общества. В этом случае субъекту, оспаривающему сделку с заинтересованностью, потребуются доказывание следующих фактов:

- осведомленности организации-контрагента об участии одного из его участников в уставном фонде хозяйственного общества;
- неодобрения сделки с заинтересованностью высшим или наблюдательным органом общества;
- угрозы возникновения неблагоприятных для общества последствий исполнения сделки.

Закрепленное в итоговом варианте рассматриваемого законопроекта ограничение права на оспаривание недействительных договоров

значительно усложнит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных совершением неблагоприятной для него крупной сделки, в отсутствие одобрения ее высшим органом. Это будет обусловлено тем, что доказывание факта осведомленности контрагента значительно осложнится, в сравнении со сделками с заинтересованностью, по причине отсутствия взаимосвязи между обществом и его контрагентом. Контрагент общества по крупной сделке не обязан запрашивать информацию о соотношении суммы данной сделки и стоимости активов хозяйственного общества на момент ее совершения. При этом именно для крупных сделок вероятность неполного встречного исполнения со стороны добросовестного хозяйственного общества исключительно высока именно по причине значительного объема неденежного обязательства и (или) суммы денежного обязательства.

Аналогичным образом осложнится также оспаривание сделок, совершенных исполнительным органом любого юридического лица с превышением его уставных полномочий, то есть не одобренных высшим или наблюдательным органами данного лица в случаях, прямо предусмотренных в его уставе. Доказывание факта заведомой недобросовестности предоставления исполнения противоположной стороной при этом будет означать доказывание фактов ознакомления контрагента с уставом юридического лица и получения им информации о неодобрении (ненадлежащем одобрении) сделки.

Таким образом, запрет оспаривания сделок принявшим исполнением субъектом значительно усложняет или исключает защиту интересов юридических лиц и их участников, несмотря на то, что заключение недействительных сделок, а также принятие их исполнения обусловлено недобросовестными действиями руководителей и, возможно, отдельных участников.

В другой из названных ранее норм (п. 3 ст. 401-2 проекта изменений ГК), предлагаемой к законодательному закреплению, предусмотрено ограничение права на иск о признании договора незаключенным [3]. Прекращение данного права ставится в зависимость от соответствия его реализации принявшей исполнением стороной принципу добросовестности и разумности [3]. В проекте рассматриваемой нормы об ограничении права на оспаривание факта заключения договора закрепление отсылки к принципу добросовестности и разумности не обусловлено аналогией права. Такая отсылка является способом преодоления ряда значимых проблем, которые могут возникнуть при прекращении права субъекта предпринимательской деятельности на иск о признании незаключенным договора, полностью или частично исполненного в пользу данного субъекта.

Согласно мнению А.А. Чукреева, принцип добросовестности означает обязанность участника гражданских правоотношений при реализации своих

прав заботиться о соблюдении прав и законных интересов других участников [5, с.100–104]. Исходя из этой точки зрения, принцип добросовестности и разумности как раз и предназначен для ограничения права на оспаривание факта заключения договора, исходя из степени соблюдения интересов обеих сторон. В то же время, в отсутствие надлежащего согласования условия о предмете, принятие исполнения может быть обусловлено как добросовестным, так и недобросовестным поведением принимающей стороны. При этом соответствие действий принимающего исполнения субъекта принципу разумности во многом будет зависеть от того, являются ли эти действия добросовестными или нет.

Однако оценка соответствия данному принципу не действий по принятию исполнения, а исковых требований о признании договора незаключенным, порождает большую правовую неопределенность в квалификации поведения принявшей исполнение стороны. Предъявление иска о признании договора незаключенным стороной принявшей его исполнение, может соответствовать принципу добросовестности и разумности в зависимости от ряда факторов:

- вида предполагаемого сторонами договорного обязательства;
- сущности согласованных условий заключаемого договора;
- степени несогласованности существенного условия договора, а также наличия письменных доказательств, позволяющих в минимально достаточной степени восполнить данную несогласованность;
- степени исполнения договора, которая может быть подтверждена в аспекте количественной составляющей правоотношения как применительно к предполагаемому сторонами обязательству, так и в отношении его аналогов;
- соотношения неблагоприятных экономических последствий, которые возникнут у обеих сторон в результате исполнения договора, с одной стороны, и признания договора незаключенным – с другой;
- степени добросовестности действий стороны, принявшей исполнение по незаключенному договору.

Само по себе наличие такого количества факторов, которые могут не только соответствовать, но также противоречить друг другу, с точки зрения степени соответствия принципу добросовестности и разумности (его составляющим), представляет собой сложнейшую задачу для правоприменителя. Однако данная задача будет дополнительно осложнена производным характером применения принципа добросовестности и разумности. Установление несоответствия реализации права на иск о признании договора незаключенным принципу добросовестности и разумности будет зависеть от соответствия тому же принципу действий обладателя данного права по принятию исполнения по договору лишь

отчасти. При этом добросовестность и разумность действий по принятию исполнения по незаключенному договору может исключить недобросовестность и (или) неразумность реализации права на иск о признании договора незаключенным только в зависимости от иных, вышеперечисленных факторов. В этой связи следует отличать прямое действие принципов гражданского права, в том числе принципа добросовестности и разумности, при регламентации отношений, носящих заведомо оценочный характер, а также тех, которые наделены оценочными свойствами той или иной правовой нормой. Как справедливо отмечает Н. Л. Бондаренко, использовать основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 2 ГК Республики Беларусь, следует не только в случаях применения аналогии права, но и в качестве самостоятельного регулирующего компонента гражданско-правового регулирования [6, с.47–48].

Анализ прогнозируемых последствий законодательного закрепления правил, запрещающих принявшей исполнение стороне требовать признания недействительности сделки или признания договора незаключенным, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Закрепление указанного правоограничения поставит оспаривание управляющим неблагоприятных сделок несостоятельного должника, совершенных в преддверии банкротства, в зависимость от доказывания факта осведомленности (недобросовестности) контрагента, что существенно усложнит, например, оспаривание договоров, направленных на предпочтительное удовлетворение денежных требований одних кредиторов перед другими.
2. Внесение рассмотренных изменений в ГК существенно усложнит защиту интересов юридических лиц, руководители которых действовали в ущерб их интересам как на момент совершения сделок с превышением полномочий, так и на момент принятия их исполнения.
3. Для разрешения означенных проблем следует усовершенствовать указанные правила по следующим направлениям:
  - установление запретов на признание недействительности сделки и реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны в зависимости не только от заведомой недобросовестности передающей имущество стороны, но также от степени добросовестности принимающей исполнение стороны;
  - ограничение действия данного правила в отношении неблагоприятных оспоримых сделок несостоятельного должника посредством изъятий из презумпции добросовестности контрагентов несостоятельного субъекта по таким сделкам.
4. Не отрицая роли принципов гражданского права, в том числе, добросовестности и разумности, в качестве самостоятельного регулятивного

компонента следует признать, что возможная конкретизация условий прекращения права на иск о признании договора незаключенным, соответствующих принципу добросовестности и разумности, позволит минимизировать рассмотренные проблемы при реализации данного права на основании принципа «эстоппель».

Список использованных источников

1. О Словаре юридической терминологии для государств – участников МПА СНГ: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств от 23 ноября 2012 г. № 38-23// Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.04.2020.
2. Белявский, С.Ч. Обзор планируемых к принятию новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь// Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.04.2020.
3. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь. – Режим доступа:
[//http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_projekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf](http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_projekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf) – Дата доступа: 20.04.2020.
4. Михайлов, Д.И. Сделки с заинтересованностью в отношении должника, влекущие причинение ущерба его кредиторам/ Д.И. Михайлов// Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. –
№ 2. – С. 73 – 81.
5. Чукреев, А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права/ А.А. Чукреев //Журнал российского права. – 2002. –
№ 11. – С. 100 – 104.
6. Бондаренко, Н. Л. О роли принципов гражданского права в нормотворческой и правоприменительной деятельности: постановка проблемы// Юридический журнал. – 2005. – №1. – С. 45 – 48.

This article analyzes the problems that may arise in connection with the legislative consolidation of the rule that restricts the right to challenge transactions, as well as to claim that the contract is not concluded for the party that accepted the execution, depending on the degree of good faith of the previous behavior of all participants in the transaction.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ